

ся те же самые явления, что и во всей Византии (да и на Западе): оскудение свободной, так называемой родовой собственности крестьян и как естественное последствие — увеличение числа зависимого от помещика населения, занимающегося обработкой чужой земли³¹. Самым важным наблюдением, вытекающим из изучения Вазелонских актов, Ф. И. Успенский считает то, что с X по XV в. и даже далее прослеживается одинаковый тип социальной и экономической эволюции во всех областях Византийской империи³².

Сама постановка вопроса о социальной и экономической эволюции в Византии весьма плодотворна, однако в разрешении этого вопроса Ф. И. Успенский остановился на полпути. Оставаясь всегда на позициях позитивистской методологии, Ф. И. Успенский был очень далек от марксистского понимания феодализма³³ и видел в нем лишь рассеяние суверенитета и децентрализацию³⁴. Поэтому-то он сделал столь неожиданные выводы из материала, наглядно показывающего существование развитых феодальных отношений в Трапезунде в XIII — середине XV в. Сравнивая социальную эволюцию, происходившую на Западе и в Византии, автор полагает, что на Западе на почве борьбы крупных землевладельцев с верховной властью расцвел «пышный цветок феодализма». «На Востоке все ограничилось первичной стадией, добрыми желаниями, неудачными попытками»³⁵. По мнению Ф. И. Успенского, Вазелонские акты отражают лишь первичную стадию феодализации³⁶.

Этот же тезис отстаивает Ф. И. Успенский и в своем обобщающем труде по истории Трапезундской империи³⁷. Давая подробный очерк политической истории Трапезунда, Ф. И. Успенский самым важным явлением в ней считает борьбу служилой поземельной аристократии с императорской властью: «... трапезундская служилая аристократия в смысле сословного, замкнутого в себе и стремящегося к определенным целям класса... была на верном пути к феодализации империи и образованию отдельных и независимых от царской власти сеньорий..., и тем не менее феодальным государством Трапезунд не был»³⁸.

Таким образом, по кардинальному вопросу аграрной истории Византии Ф. И. Успенский стоял на чуждых марксизму позициях. Далек от марксизма он был и в трактовке вопросов классовой борьбы. Так, в своем обобщающем труде, как бы подводящем итоги всей его работы в области

³¹ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты..., стр. LXXXIX.

³² Там же, стр. С. Другим интересным наблюдением автор считает наличие, по данным актов, остатков родового строя в Трапезунде XIII — середины XV в. Обращает на себя внимание также дробность земельных участков или полос, принадлежащих одному и тому же владельцу, и чересполосность мелких владений (там же, стр. CI—CIII).

³³ В этой связи нельзя согласиться с утверждением Г. Н. Лозовика, что Ф. И. Успенский более, чем иные «маститые» ученые, прислушивался к идеям, порожденным революцией, и, не сознавая этого, в трактовке вопросов землевладения был близок к марксизму. Г. Н. Лозовик дошел даже до такого совершенно неприемлемого тезиса, будто Ф. И. Успенский «не догадывался, что он еще 40 лет назад „говорил прозой“ в стиле марксизма» (Г. Н. Лозовик. Ф. И. Успенский... 1845—1928. Некролог. — «Историк-марксист», 1928, № 9, стр. 114).

³⁴ Ф. И. Успенский. Центробежные и центростремительные силы в истории Византии. — ИАН СССР, отдел. обществ. наук, 1931, сер. VII, № 4, стр. 457.

³⁵ Ф. И. Успенский. Социальная эволюция..., стр. 113.

³⁶ Там же, стр. 114. Подтверждением этого автор считает тот факт, что после завоевания Трапезунда турки ввели тимариотскую систему, во многом основанную на византийских поземельных отношениях (там же, стр. 114).

³⁷ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929, стр. 1—158. Эта книга была издана уже после смерти автора под редакцией и с предисловием акад. С. А. Жебелева.

³⁸ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезундской империи, стр. 113.